

A young woman with long dark hair, wearing a white sleeveless dress with a colorful patterned waistband, is sitting on a red dirt cliff. She is barefoot and has her right hand raised to her forehead, shielding her eyes from the sun. The sea is to her left, and the background shows a distant shoreline with trees and buildings under a blue sky with light clouds.

Секреты Святой земли

Ксения Беленкова

Любовь + Путешествия

Ксения Беленкова
Секреты Святой земли

«Автор»

2012

Беленкова К. А.

Секреты Святой земли / К. А. Беленкова — «Автор»,
2012 — (Любовь + Путешествия)

ISBN 978-5-699-56082-0

Ранее выходила под названием «Свидание у Средиземного моря» С детства Аня привыкла гадать на особом старинном волчке, узнавая, сбудется ли желание. Вылетая в Израиль к родственникам, девушка мечтала о свидании, которое перевернет всю ее жизнь. Ведь несколько месяцев назад Аня познакомилась в Интернете с парнем, который успел стать ее хорошим другом. Правда, путешествие началось неудачно – Аня потеряла волчок в самолете. Но пропажу ей вернул симпатичный незнакомец, который днями позже подарил цветок, а затем и серьги на восточном базаре. «Неужели это мой виртуальный друг?» – недоумевала Аня и переживала, что встреча с ним раз за разом откладывается. Но Израиль приготовил девушке поистине дорогой подарок, о котором Аня даже и не смела мечтать.

ISBN 978-5-699-56082-0

© Беленкова К. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ксения Беленкова

Свидание у Средиземного моря

Глава 1

Дрейдл

Бабушка всегда называла его «дрейдл»¹, а мама просто – «волчок». Для Ани же эта деревянная игрушка была настоящим талисманом. С детства она любила запустить старинную вертушку и наблюдать, как незнакомые буквы мелькают, сливаясь в необыкновенный узор. Кубик крутился, впиваясь в пол острым углом, а сверху торчала удобная палочка. Игрушку легко было засунуть в карман и развлекаться потом где угодно: на подоконнике в детской поликлинике или прямо на школьной банкетке, между уроками. И уже потом бабушка рассказала Ане, что несут в себе знаки, впечатанные в бока волчка. Буква «Гимел» была похожа на лебедя и означала победу. На другом боку дрейдла красовалась «Хей», напоминающая русскую «п». Хей сулила половину выигрыша. Похожая на запятую закорючка «Нун» показывала «ничего». И последняя, самая коварная буква «Шин», требовала штрафа. Эту «Шин» Аня особенно не любила: она походила на маленького паука, который, кажется, вот-вот готов был сползти с деревянного бока волчка, чтобы еще долго бегать по полу.

И вот сейчас Аня больше всего боялась, что волчок упадет пауком вверх – тогда от поездки не жди ничего хорошего. Она сидела в аэропорту и развлекала себя, запуская любимую игрушку, а вокруг суетились люди: совершенно незнакомые, непонятные. Впервые Аня оказалась совсем одна среди чужаков. И теперь родители были там – в России, а она уже здесь – практически за границей, в зоне «дьюти фри». Вокруг пахло парфюмом и шоколадом. Это был дух перемен, он заставлял нервничать. А совсем рядом, за широким стеклом, шевелились брюхастые самолеты. Они казались неповоротливыми и лишь потом, когда отъезжали вдаль, становились похожими на ласточек, что легко отрывали свои маленькие тела и поднимались в воздух. Но в эту минуту Аню больше всего занимал заведенный дрейдл и крутящиеся на нем буквы. Бабушка говорила, что они сливаются в надпись на идиш: «Великое чудо случилось там». Речь шла о чуде, произошедшем давным-давно на Святой земле. Туда-то Аня и направлялась – она летела в Израиль.

Волчок почти замер, но в последний миг неловко накренился и упал с покато сиденья прямо на пол. Какой-то малыш тут же пнул его ногой, и дрейдл покатился по залу, шныряя между разноцветными ботинками. Аня гналась за ним, расталкивая нагруженных хрустящими пакетами женщин и озабоченно изучающих витрины мужчин. Но вдруг игрушка вовсе пропала из вида! Любимая вещица, без которой Аня уже давно не выходила из дома, потерялась в этом царстве суеты и чемоданов. Хотелось плакать, немедленно повернуть назад и забыть обо всех полетах, путешествиях и новых знакомствах. Аня корила себя за то, что ввязалась в эту историю: а все из-за какого-то странного типа, с которым познакомилась в Сети! Схватив рюкзак и дорожную сумку, Аня решительно повернула обратно, но тут объявили посадку на рейс. Народ стал толкать ее со всех сторон, хвостатая очередь уже шелестела билетами, желая поскорее забраться в самолет.

– Девушка, вы идете? – шипел кто-то на ухо.

– Проходите, проходите...

– Вы стоите или где?

¹ Четырехгранный волчок, с которым, согласно традиции, дети играют во время еврейского праздника Ханука.

Все вокруг кружилось, Аня перестала понимать, где находится и что здесь собственно происходит...

Когда она впервые сказала домашним, что на весенние каникулы хочет поехать к тетке в Израиль, все удивились.

– С чего вдруг такое рвение? – не понимал папа.

– Дело нечисто, – ехидничала мама.

Аня старалась отмалчиваться, твердила лишь одно, что просто хочет отдохнуть у тети, с которой давно не виделась. Пообщаться с братом и сестрами, узнать далекую землю Израиля. Родители улыбались, а бабушка удовлетворенно кивала.

– Аннушка, умница! Давно тебе пора навестить нашу Машеньку, – говорила она.

Тетя Маша с семьей переехала жить в Тель-Авив, когда Ане было всего лишь одиннадцать, и вот уже четыре года, как она не видела своих любимых родственников. Бабушка же летала к старшей дочери чуть ли не каждый год, а уезжая в Израиль, всегда пугала, что не вернется вовсе. Тогда мама делала страшное лицо, а папа лишь хитро потирал ладони. Поэтому бабушка всегда возвращалась, наверное, из чувства противоречия.

В семье к новости об Анином намерении на весенние каникулы полететь в Израиль отнеслись хоть и настороженно, но с пониманием. И лишь она одна знала об истинной причине своего рвения. Всему виною был он – сетевой незнакомец. Парень, который занимал все ее мысли вот уже полгода. Еще с сентября, когда случайно нашел Аню на одном из сайтов в Интернете. Завязалась переписка, они даже общались по скайпу. Вот только загадочный друг всегда будто специально усаживался против света, отчего Аня могла гадать о его внешности лишь по форме ушей. Любопытству не было предела, но уже через месяц общения она понимала одно – ей решительно все равно, как выглядит друг. Лишь бы вылезал вечерами в Сеть, лишь бы развлекал ее своими шутками, рассказывал о прочитанных книгах, делился любимой музыкой, рекомендовал фильмы. Мальчишка под забавным ником «Самый Цимес» незаметно стал частью ее жизни: наверное, одним из ближайших друзей, который всегда был рядом – стоит лишь выйти в Интернет. Как только Цимес узнал, что Анина тетка живет совсем неподалеку от него, в центре Тель-Авива, сразу стал уговаривать подругу приехать в Израиль. Он обещал долгие прогулки, занимательные экскурсии, знакомство с местной кухней, музыкой, даже намекал, что пройдет с ней по лучшим молодежным магазинам. Еще с Нового года Цимес звал Аню провести каникулы на Святой земле. Но бросить семью в этот праздник детства, единения, светящейся елки и тазов оливы Аня никак не могла. Променять пушистые снега и праздничную иллюминацию Москвы на дождливую зиму Израиля совсем не хотелось. Да и кто бы отпустил ее из дома в те редкие десять дней, когда вся семья была в сборе: папа с мамой не пропадали на работе, а бабушка все время сутилась у плиты, и ей просто необходима была помощь внучки. Хотя бы для того, чтобы переключать телевизионные каналы, пока бабуля месит тесто для пирогов.

Вот весной другое дело: в мартовские каникулы Аня обычно бесцельно шаталась с друзьями по дворам, поздно возвращалась домой, ведь наутро не нужно спозаранку топтать в школу. Такие каникулы – лишняя нервотрепка для трудящихся родителей, когда дочь целые дни напролет предоставлена себе и ее не засадишь за уроки, чтобы удержать дома. Так что в Израиль ее снаряжали даже с некоторым азартом и удовлетворением: там хоть будет под присмотром. Аня же до глубокой ночи мечтала, как встретит наконец своего сетевого друга – неужели это случится?..

Еще час назад, проскочив паспортный контроль, Аня была полна решимости и мечтала только о хорошем. И что дернуло ее в зале ожидания достать из кармана старинный бабушкин дрейдл? По привычке Аня хотела задать ему вопрос: как пройдет поездка, что ждет ее впереди? Быть может, выпавшая буква «Гимел» посулит удачу, а вдруг выползет противная «Шин» – тогда надо готовиться к поражению. И вот теперь ее волчок, не дав никаких ответов,

затерялся где-то в аэропорту. Аня не знала, что пугает ее больше – неизвестность, невозможность задать игрушке новые вопросы или же понимание, что она лишилась вещицы, которую всегда считала своим талисманом. Очередь на посадку несла ее куда-то, и вот уже улыбка девушка выдерживала из дрожащих Аниных рук билет на самолет.

– Проходите, не бойтесь! – ворковала она.

И Аня ступила на трап. Путь назад был отрезан.

В салоне самолета оказалось очень шумно, все распихивали ручную кладь, искали нужные места, где-то сыпали вопросами дети, откуда-то доносилось стариковское ворчание. Аня упала на свое кресло и закрыла глаза. Ей не было страшно перед полетом, она вовсе не боялась воздуха и того, как железная птица рассекает крыльями поля облаков. Аня любила летать. Вот только сейчас все было не так, как раньше. Будто вместе с волчком ушла уверенность в завтрашнем дне, и полет уже не казался безопасным, а предстоящие каникулы – счастливыми и радостными. Умом Аня прекрасно осознавала: все это лишь суеверия, но с чувствами ничего поделать не могла – ей было очень грустно и неуютно. Будто она пыталась открыть замок без ключа.

– Боишься? – спросил кто-то сбоку.

Аня открыла глаза. Рядом уверенно уселся какой-то взрослый юноша. Разговаривать с кем-либо сейчас совсем не хотелось, она лишь пожала плечами и отвернулась к окну.

– До Израиля всего четыре часа, время быстро пролетит, – шутил сосед.

– Мне не страшно, – прошипела Аня.

Парень улыбнулся, а потом почему-то показал ей свой широченный кулак. Он поднес его прямо к носу и затем, все еще улыбаясь, разжал ладонь.

– Твое? – спросил он.

На ладони лежал волчок. Аня не поверила своим глазам.

– Мое! Мое! – выкрикнула она. – Откуда он у тебя?

– Видел, как ты играла с ним в зале ожидания. А потом нашел на полу.

Аня схватила волчок и спрятала поглубже в карман.

– Спасибо! Спасибо большое, – только и повторяла она.

– Удачи, – подмигнул юноша.

А затем встал и отправился куда-то в хвост самолета, а на его место тут же плюхнулся какой-то тощий и смурной тип.

– Ну наконец-то, – бурчал он. – Думал, никогда не наговоритесь.

Аня свернула себе шею, но парня уже нигде не было видно, он будто испарился. Зато в кармане привычно лежал дрейдл, и вера в лучшее постепенно возвращалась. Самолет оторвал свои колеса от земли, все затаили дыхание – небо ползло за окнами тяжелое и густое...

Аня летела над облаками, мечтая о встрече с другом. Сколько раз она прокручивала в голове разные варианты этого знакомства! А вдруг таинственный Цимес окажется совершенным уродом, и Аня не сможет скрыть разочарования? Или же наоборот – незнакомец покорит ее своим обаянием? И ей не захочется больше расставаться с ним. Рука привычно потянулась к карману, в котором смирно полеживал дрейдл, но в последний момент Аня передумала – будь что будет! Гадать стало страшновато. Пришлось убеждать себя, что внешность – вещь совершенно незначительная. Пусть Цимес окажется тугим и квадратным, как перьевая подушка. Или же сушеным, точно суповой опенок. Длинноносым, горбатым, даже хромым – Аня будет рада любому! И где-то в глубине души поселилось уважение к себе за такую немислимую отвагу.

Летел самолет, летели часы. И вот машина пошла на снижение. Постепенно облака рассеялись, Святая земля сияла внизу, как горящая множеством огней новогодняя елка посреди темной ночи. И лишь опустившись еще ниже, Аня смогла разглядеть сквозь тьму, как мягкое море лижет огненные еловые ветви. Вода легко колыбалась, шла рябью, подпирая столицу

Израиля – обвитый неоновой сетью Тель-Авив. Город буквально лежал на берегу: длинный, яркий, незнакомый.

В аэропорту Аню встречал дядя Лева. И вот странная штука: за четыре года из крупного коренастого брюнета он превратился в невысокого лысеющего толстяка, что суеился теперь вокруг Ани, улыбаясь и потирая высокий лоб. Макушку его прикрывала забавная круглая вязаная шапочка – наверное, грела лысину. Для сохранности по бокам шапочка была пришпилена к остаткам волос женскими заколками, все это выглядело довольно уморительно.

– А когда мы уезжали, ты же вот такусенькая была!

Дядя Лева стучал себя ребром ладони по груди и при этом забавно приподнимался на носочки, чтобы расцеловать племянницу в щеки. Аня тоже смущенно улыбалась и проходила губами по шершавым дядиным скулам. Запах его остался прежним – знакомым и родным: за последние годы дядя не изменил своему любимому одеколону «Фаренгейт». Аня крутила головой, разглядывая помещение аэропорта. Здесь было очень светло и просторно. А люди выглядели совсем маленькими посреди белых стен и высоких колонн. Тогда как в Москве казалось, что толпа огромна и занимает пространство до самого потолка. И вдруг за одной из колонн будто бы мелькнул тот самый юноша, что подобрал потерянный Аней волчок. Она подняла руку, хотела помахать ему, но тот уже скрылся из виду.

– Кто-то знакомый? – удивился дядя.

– Скорее незнакомый, – смутилась Аня и опустила руку.

Быть может, она обозналась.

– Пошли скорее! – дядя Лева схватился за Анину сумку. – Дома тебя все уже заждались.

На улице оказалось необыкновенно хорошо. Конечно, Аня знала, что весна в Израиле ранняя, но все равно удивилась тому, как близко притаились теплые дни – всего лишь в нескольких часах лета. В эту минуту Москву еще укрывали снега, конец марта выдался морозным, здесь же весна хозяйничала вовсю. Аня вдыхала другой, заграничный март и почему-то думала об Интернете, надеясь, что он здесь все тот же. Такой же быстрый и доступный, как дома. Только бы ее подпустили к компьютеру! Аня готовила Цимесу сюрприз, до последнего умалчивая о том, что билеты в Израиль уже куплены. И вот она здесь – ходит по улицам Тель-Авива.

– А знаешь, что означает название нашего города? – прервал Анины размышления дядя.

– Нет, – призналась она.

– Холм весны, – сказал дядя. – Так что ты к нам очень вовремя.

– Дядь Лева, а зачем вам эта шапочка? – невпопад спросила Аня.

Дядя засмеялся, и морщинки поплыли по его лицу – глубокие, добрые.

– Это кипа – традиционный еврейский головной убор, – сказал он. – Не видела, что ли, раньше?

Аня не могла припомнить такого.

– Покрывая макушку, я показываю, что есть мудрость повыше хранящейся в моей голове. – Дядя наклонился, демонстрируя свою вязаную кипу во всей красе. – Ну, поехали, тебя ждет еще много интересного!

Машина тронулась с места, и мимо полетели широколистые пальмы. Дорога неслась вдаль между ярких фонарей, висящая в темноте, словно сказочная тропа. Голова у Ани шла кругом: быть может, от свежего воздуха или же от дорожной тряски. А вероятно, из-за первых впечатлений и еще больше – от ожидания чего-то нового, неведомого. Сердце колотилось как сумасшедшее, щеки горели – все начиналось здесь. И Аня не знала, хочет ли удержать этот миг накануне перемен или же торопит время, мечтая о грядущем. Дядя поглядывал на нее, кивал и почему-то продолжал улыбаться. Хотя Аня думала, что мысли его где-то далеко: быть может, он вспоминал свой первый день в Израиле. Или же окунулся в свою молодость: время, когда не

устаешь удивляться и все еще впереди. Будущее кажется бесконечным, а каждая новая минута – далекой...

Глава 2

На улице Эмиля Золя

По пути к Тель-Авиву Аня заснула. Она не видела, как город окружил автомобиль молодыми домами, как начал ветвиться узкими улочками. Впереди выстраивались зеленые бульвары, светились витрины магазинчиков, столица окунулась в вечер. Мелькали перекрестки, строения липли друг к другу, выстраиваясь по краям дороги рядами зубов. Светлые квадратные домики, очень похожие друг на друга. Попав в сеть переулков, машина снизила скорость, и вот уже спящую Аню встречала улица Эмиля Золя. Дядя остановил автомобиль возле жемчужного дома с небольшим палисадником, огибающим подъезды. Тонкая дорожка и череда машин, прижавшихся к тротуару по обе стороны проезда. Зеленые деревья, трущиеся кронами о балконы, они будто заглядывали в окна домов, чесали их ветвями. Чья-то тихая и спокойная жизнь притаилась в этом узком, как ручеек, дворике. А совсем рядом суетился ночной народ, обхаживая главные проспекты города. Но тут вечер хранил тишину и покой, чтобы к утру переулок вновь проснулся бодрым и суетливым. Здесь-то и жила тетушка вместе со своим большим семейством...

В жемчужном доме на тихой улице Эмиля Золя Аню приняли очень тепло. Тетя Маша была все той же, только немного меньше, будто смотришь на нее издалека. И лишь когда она сжала Аню в объятьях, стало понятно – хватку тетя не потеряла. Зато обе двоюродные Анины сестры вымахали такими огромными, что в них трудно было узнать забавных рыжих девчонок четырехлетней давности – кубышку Лилю и хрупкую Миру. В шутку Аня всегда называла Лилю Апельсинкой, а Миру – Морковкой. В детстве все они были очень дружны и каждый праздник проводили вместе, в семейном кругу. Теперь от Апельсинки Лили осталась лишь долька – так она вытянулась и похудела. Ей было уже семнадцать, и Аня заметила, что взгляд сестры стал каким-то тяжеловатым, в отличие от полегчавшей фигуры. Зато Морковка Мира, которая была Аниной ровесницей, округлилась. И вместо тугой косы вокруг ее широкого лица теперь вились короткие кудри. Девчонки долго визжали, обнимались, разглядывали друг друга, будто знакомясь заново. Несколько лет разлуки в этом возрасте кажутся веками. Но вот сестра улыбается, и столетия тают.

- Ну ты и дылда вымахала! – смеялась Мира.
- А сама-то? – щипала ее за бока Аня.
- Кто-то у нас очень много ест, – подкалывала младшую сестру Лиля.
- А кто-то влюбился, и ей кусок в горло не лезет, – хихикала Мира.
- Лилька, ты влюбилась? – приставала Аня. – В кого? Покажи фотку...

Но Лиля почему-то зашипела, как змея, и очень грозно посмотрела на Миру, которая выдала ее тайну. Мира попятилась и налетела спиной на брата. Только тут Аня увидела Мишку, он стоял у стеночки очень тихо и был таким тощим, что, казалось, вот-вот растворится в воздухе.

- Мишка! – завопила Аня.

Но тот почему-то отвернулся и, чуть не запутавшись в ногах, утопал в свою комнату. Дверь за узкой Мишкиной спиной закрылась.

- Что это он? – удивилась Аня.
- Стесняется, – шепнула Лиля.
- Переходный возраст у него, – приснула Мира. – Скоро тринадцать стукнет.
- Молчи уж! – Лиля наконец добралась до сестры и отвесила ей тяжелый щелбан. – На себя посмотри.

Тете пришлось разнимать сцепившихся дочерей. Воспользовавшись заминкой, Аня постучала в комнату брата, а потом приоткрыла дверь. Мишка сидел спиной к ней, практически впиваясь длинным носом в монитор. Здесь есть компьютер! Аня возликовала, и от сердца окончательно отлегло.

– Можно зайти? – спросила она.

Мишка, не поворачиваясь, кивнул.

– Ты меня плохо помнишь?

– Нормально, – сухо ответил Мишка.

Его макушка была черной, как ночь за окном, и кудрявой, как море. Острые плечи ходили ходуном, братишка усердно стучал пальцами по клавиатуре.

– А Интернет у тебя работает? – осторожно наступала Аня.

– Не пахнет! – огрызнулся Мишка. – Сегодня весь день комп виснет.

– Что случилось? – заволновалась Аня. – Дай посмотрю.

И тут Мишка впервые обернулся и глянул на нее из-под черничных бровей. В этом взгляде не было и тени дружелюбия. Он не просил о помощи, скорее оборонялся.

– Мне друг поможет, – сказал он. – Он утром придет.

– Так я бы сейчас могла, наверное, – запинаясь Аня.

– А сейчас я буду спать.

Мишка молниеносно выключил компьютер, так что Аня даже не успела глянуть на монитор, и отъехал на своем кресле в другой угол комнаты, чуть не сбив сестру с ног.

– Я тебе не нравлюсь? – В этих мальчишках не разберешься! – Мы же раньше дружили...

– Спокойной ночи, – не к месту ответил Мишка.

И Ане пришлось поскорее убраться из комнаты брата. За время перелета она и сама так устала, что даже аппетит заснул. Хотелось поскорее примять ухом подушку и, подтащив одеяло до самого подбородка, немного помечтать, пока глаза сами собой не слипнутся. Аню устроили в комнате девочек, на диване возле окна.

– Мишка на меня за что-то дуется, – пожаловалась Аня сестрам.

– Ничего, отойдет, – Мира расстлала свою кровать.

– Думаю, он обижается, что ты так долго к нам не приезжала, – сказала Лиля.

– Шутишь! – отмахнулась Аня. – Наверное, он просто расстроен, что компьютер сломался. Говорит, завтра его какой-то друг починит, это правда?

Аня затаила дыхание, она старалась не показывать, насколько для нее важно выйти в Интернет как можно скорее. Конечно, она поведает сестрам всю свою сетевую эпопею и познакомит с загадочным парнем под ником Цимес. Вот только сейчас рассказывать эту длинную историю не было сил. Да и кто знает, вдруг сестры обидятся, поняв, что именно привело Аню в их дом.

– Да, Мишка дружит с одним нашим русским соседом. Он здорово шарит в компьютерах. Завтра наладит Интернет.

– Вот и отлично! – обрадовалась Аня и, спохватившись, добавила: – Тогда Мишка, наверное, подберет...

Сестры попытались накинуться на Аню с расспросами о Москве. О том, какая там сейчас погода и какие теперь смотрят программы по телевизору, а еще – как поживает пес Кубик, что жил в Анином дворе. Переодеваясь ко сну, она сбивчиво рассказывала о замерзших лужах, пушистых сугробах, об узорах на окнах и о том, как пар шел из ее рта, когда она последний раз выдыхала московский воздух. А потом, забираясь в кровать, пыталась вспомнить хорошие сериалы или ток-шоу, но ничего не получалось, наверное, голова уже плохо соображала. Зато пес Кубик вынырнул из памяти совсем как настоящий, казалось, что сейчас он так и понесется по комнате, забираясь на кровати и стуча по ним упругим хвостом. Лилия и Мира смеялись, когда Аня, изображая соседскую собаку, вцеплялась зубами в подушку. Но в комнату заглянула тетя Маша в длинной ночной рубашке, и всем пришлось немедленно уgomониться.

Аня лежала на диване и слушала, как тикают настенные часы. Было в этом что-то успокаивающее, постоянное. За окном, в свете уличного фонаря, чуть покачивалась крона какого-то дерева. Можно было представить сейчас, в темноте, что все это происходит в России. Будто забытое воспоминание или это был уже надвигающийся сон?..

Аня проснулась раньше всех. Так бывает на новом месте, организм чувствует перемены и рвется из сна раньше обычного. Мира и Лиля тихонько посапывали в своих кроватях. И Аня впервые по-настоящему осмотрелась в их комнате. Она мало чем отличалась от тех, которые заселяли ее московские друзья. Только стены словно белее – это Аня не сразу заметила. Лишь почувствовала, будто все здесь подвешено в воздухе: мебель, даже картины на стенах. А потом она поняла – в комнате нет обоев. Да и занавесок тоже, вместо них окно сейчас закрывали жалюзи. Тогда как у них дома все стены, казалось, затянуты плотной тканью, будто ты сидишь не в квартире, а залез в чью-то цветастую юбку. Повсюду ромашки да маргаритки. Но Ане это нравилось. И когда не так давно в квартире затеяли ремонт, никто не поддавался модному веянию выкрашивать стены в пастельные тона. Скучно же! Вот и сейчас девичья комната немного напомнила Ане номер в гостинице – опрятный, дорогой, но какой-то безликий. У каждой из сестер была своя кровать, шкаф и письменный стол. Еще здесь стоял телевизор и диван, на котором теперь устроилась Аня. Свои вещи она еще не разобрала, поэтому в ногах стояли ее сумка и рюкзак. Пол в комнате был плиточный, и лишь возле кроватей лежали белые, как стены, коврики. Аня потихоньку уселась на своем диване и раздвинула пальцами жалюзи – совсем чуть-чуть, чтобы хоть одним глазком взглянуть на улицу. Солнце полилось ей прямо на нос тонкой струей – теплое, мягкое. Зеленые деревья, а выше – яркое голубое небо! Ане захотелось немедленно выскочить на улицу и дышать, дышать, дышать...

В холле оказалось еще более пустынно, и лишь выстроившаяся неровными рядами обувь у двери говорила о том, что дом этот населяет большая семья. Аня заглянула на кухню. На первый взгляд все здесь было совершенно обыденно. Обеденный стол, стулья, холодильник, телевизор на стене. Рабочая зона с различной техникой: кофеварка, чайник, тостер, микроволновка. А потом Аня увидела две раковины подряд. Она уставилась на них, крутя головой, как болванчик.

– А, мое новое приобретение изучаешь! – в кухню вошла тетя. – Доброе утро, ранняя птаха.

– Теть Маш, а зачем вам две раковины? – удивлялась Аня.

– Этого требует кашрут.

– Кто? – не поняла Аня.

– Не вари козленка в молоке матери его! – густо протянул дядя, усаживаясь за стол. – Это закон кашрута. Евреи не смешивают мясную и молочную пищу.

Аня кивала, хотя пока мало что могла понять.

– Да, и еще, на время каникул забудь про бутерброды с ветчиной! – Мира повисла на шее у отца. – Свинину мы вообще в рот не берем.

– Мы тут, понимаешь ли, получаем религиозное воспитание, – зевнула Лиля и тоже села к столу.

– Ну, до этого нам далеко, – отмахнулась тетя. – Мы так, по мере сил и возможностей...

– А что это все так рано встали? – в кухню вошел Мишка, он потирал сонные глаза и выглядел недовольным.

– А не навернуть ли нам всем кошерного омлета? – похлопал ладонями по столу дядя.

И Мишка тут же прыгнул на свободный стул, бодро и резво, точно козленок.

Аня уплетала ароматный омлет, который называли здесь «кошерным», и не находила отличий от того, которым с детства кормила ее бабушка. Вероятно, не так уж и страшен этот кашрут, требующий двух раковин и раздельного питания – жить можно...

Сразу после завтрака к Мишке появился его друг, и они закрылись в комнате, пытаясь привести компьютер в рабочее состояние. Аня же ходила, как лиса, возле двери, приставляя к ней по очереди или ухо, или зачем-то – нос. Будто действительно могла что-то разнюхать таким образом. Друг Мишки очень шустро проскочил в его комнату, и разобрать Аня успела лишь то, что он довольно взрослый, явно старше ее брата. Это вселяло надежду в успех операции. В очередной раз приложив ухо к двери, Аня уловила довольно низкий смех:

– Ха-гы-ха...

А потом не Мишкин голос сказал:

– Ну и где ты лазил? Признавайся, Сусанин!

– Кто? – явно опешил Мишка. – Я только на минуточку туда влез. Честное слово! И вот...

– «И вот», – передразнил насмешливый низкий голос. – Словил себе, типа, вирус. Надо твоей маме это показать.

Аня умирала от любопытства, что же там такое происходит, а между тем за дверью опять дрожал смех:

– Хи-гу-хы...

Тут Аня не выдержала и тихонечко приоткрыла дверь. Ну что, в самом деле, с ней следуют за вторжение двоюродный младший братец и его великовозрастный друг-весельчак? К тому же на виду у всего доблестного семейства! А вот попасться самой кому-то на глаза, подслушивая возле двери, совсем не хотелось. Уж лучше в бой. Оставалось надеяться, что настроение у Мишки сегодня улучшилось и он не станет огрызаться. Аня собралась с духом и крутанула ручку. Дверь бесшумно распахнулась, еще раз напомнив, что все это происходит не в родной московской квартире, где все петли пели свои унылые песни. В комнате перед компьютером расположились две спины. Мишкина – узкая и костлявая, а вторая, наоборот, – широкая, почти квадратная. При этом спина брата нервно передергивала плечами, тогда как квадратная застыла монолитом, несмотря на то, что низкий смех все еще несся по комнате. Сейчас Ане впервые удалось взглянуть на монитор. Во весь экран с него скалилась розовая поросычья морда. Не сдержавшись, Аня тоже хохотнула и тотчас раскрыла свое присутствие. Обе спины в тот же миг развернулись: на Аню уставились испуганные лица.

– А, это ты, – облегченно выдохнул Мишка.

Больше всего он, видимо, опасался, что со свиньей, а также историей ее появления на экране познакомятся родители. Но друг продолжал смотреть на Аню, будто увидел безголовое привидение. Аня даже подумала, быть может, что-то с ней не так.

– Что, такая страшная? – шутливо спросила она.

Но друг уже оттаял, заулыбался. Наверное, он просто не ожидал увидеть здесь незнакомую девчонку.

– Познакомь нас, – толкнул он в бок Мишку.

– Почини комп, познакомлю, – насупился тот.

– Да тут дел на минуту, – парень весело подмигнул поросычьей морде и что-то изменил в настройках. – Все, убрал это свинство! – гордо сообщил он.

Рабочий стол теперь показывал обычную страницу «яндекс-поиск».

– Что ты там нахимичил? – радовался Мишка. – Шустро!

– Просто поменял домашнюю страницу. Тебе ее вчера на этом сайте по умолчанию забавали, а ты и растерялся.

– Упрямый ты, Мишка, – вставила Аня. – Пустил бы меня, я бы еще вчера тебе все исправила.

Мишка опять надулся. Будто почувствовал, как его друг и назойливая сестрица объединились между собой.

– Аня, – не дожидаясь помощи брата, представилась Аня.

– Илья! – протянул зачем-то руку Мишкин друг.

Ладонь его оказалась теплой и твердой, она сжала Анину кисть довольно чувствительно. Но поморщился почему-то Мишка.

– Илюх, пошли гулять! – резко сказал он.

– Да, а я пока в Интернет влезу, – обрадовалась Аня, – можно?

– Можно, можно, – отмахнулся Мишка.

Видимо, он был все же очень рад, что проблема со свиньей так быстро и легко разрешилась без привлечения родителей. И теперь тащил друга к двери, чтобы не пялился больше на сестренку и вспомнил наконец о нем!..

Аня уже плюхнулась в кресло, для начала решив проверить свою почту. Она уже ничего не видела и не слышала вокруг, мечтая лишь об одном – поскорее связаться с Цимесом.

– Ты это надолго? – раздалось вдруг над ухом.

Аня вздрогнула, подняла голову. Над ней возвышался угрюмый Мишка.

– А почему ты не с Ильей?

– Дела у него.

Кажется, Мишка так и собирался висеть над ней тощей тенью. Но Ане вовсе не хотелось посвящать брата в перипетии своей личной жизни.

– Мишенька, миленький, ну пожалуйста, дай мне немного побыть одной, – пропела она заискивающе. – У меня тут дело...

– Ну и сиди тоже одна! – рявкнул он. – Сдалось вам с Илюхой это одиночество, ишь, деловые...

Аня не успела что-то ответить, как Мишка выскочил из своей комнаты. Почта загрузилась – один лишь спам. Зато в аське висел зелененький, готовый поболтать Цимес. Аня тотчас забыла про Мишкины обиды. Она размяла пальцы, выдохнула и уставилась в монитор. Секрет рвался наружу. Неужели вот уже сейчас они с другом смогут договориться о встрече?..

Глава 3

День Шин

«Привет»

Как ни в чем не бывало написала Аня. И аська тотчас откликнулась веселой рожицей. Больше сдерживать себя не оставалось сил. Аня сразу же выдала Цимесу всю правду о себе: что сидит сейчас практически в центре Тель-Авива, на тихой улочке имени Эмиля Золя.

«Ты рад?»

Спросила и замерла в предвкушении взрыва эмоций. Аська молчала.

«Встретимся?»

Отстучала новый вопрос. Но ответа все не было, а потом зеленый цветочек покраснел, будто от стеснения, – это Цимес вышел из Сети. Аня не могла поверить в произошедшее. И все смотрела, смотрела в немой монитор.

– Скоро уже? – заглянул в комнату Мишка.

И оторопел, увидев сестру, которая положила голову на стол и сидит перед потухшим экраном.

– Спишь, что ль? – тронул он ее за плечо.

Аня встрепелась, вылезла из-за компьютера и невпопад сказала:

– Наверное, у него сеть слетела.

– Тебя там мама зовет...

Мишка тут же сам прилип к компьютеру. Ане пришлось тащиться на обозрение родственников, хотя желание было одно – запереться где-нибудь в ванной (интересно, у них там тоже две раковины?) и не выходить, пока вся вода в кране не кончится. Она так ждала момента, когда скажет своему другу о возможной встрече, строила планы. А что вышло: он взял и пропал! Быть может, испугался или обиделся, что она явилась в его страну без предупреждения? Настроения не было никакого – сущий «день Шин», как сказала бы бабушка. Аня проштрафилась по полной, и дрейdl не крути. В ванную комнату прошмыгнуть она все же успела и, с сожалением обнаружив там только одну раковину, шумно пустила воду, чтобы никто не слышал позорных всхлипываний.

Не прошло и каких-то десяти-пятнадцати минут, как в дверь начали постукивать, затем – поколачивать, а после немзыкально – барабанить. Пришлось выбираться из укрытия. Да и в самом деле, мир же не рухнул. Аня этого Цимеса и в глаза-то не видела, с чего так убиваться?

– Все в порядке, я выхожу! – выкрикнула она, собравшись с духом.

Умылась и открыла дверь. На нее сразу уставились три пары взволнованных женских глаз.

– Ак-климатизация, наверное, – заикнулась Аня.

На лицах боролись недоверие и любопытство. Победил дядя Лева, громыхнув откуда-то из-за спин:

– Гулять идем?

И Аня поняла – это то, что нужно. Проветрить голову...

По случаю Аниного приезда всем детям разрешено было пропустить занятия. И шумное семейство выкатило на улицу. Свернув за угол жемчужного дома, все вдруг попали в другую жизнь. Короткая улочка соединяла тихий дворик с настоящим проспектом, где сейчас сутилось множество людей. И вот уже Аня влилась в это резвое течение. Повсюду слышались разговоры на непонятном ей языке, но порой, неожиданно и четко, выскакивали русские слова. Под ногами ровно выстроилась в ряды плитка. С одной стороны тянулись витрины магазинов, маленьких кафе и сувенирных лавок. По другую руку разложили на длинных сто-

лах яркую утварь уличные торговцы. Игрушки, национальная одежда, расписная посуда – чего здесь только не было!

– Похоже на старый Арбат! – крутила головой Аня.

– Это наша замечательная улица Дизенгофф, – сказал дядя Лева. – Веселое и шумное местечко, правда?

Где-то за торговцами проезжали машины. Из открытых дверей забегалок доносилась музыка. А еще между домами то и дело выныривали яркие киоски, все усыпанные экзотическими фруктами. Там делали густые и терпкие коктейли из манго, бананов, апельсинов, ананасов, папайи и кокосов. Продавали это душистое месиво в высоких картонных стаканах, прилавив к ним разноцветные длинные трубочки. На время Аня забыла обо всех своих бедах, окунувшись в этот красочный мир. А мимо шныряли легкие велосипедисты. Так же, как она, вертя головами, прохаживались туристы. Деловито спешили по своим нуждам местные жители.

– А куда мы идем? – будто опомнилась вдруг Аня.

– В Азриэли! – крикнула Мира. – Пойдемте в Азриэли?

– Можно, – согласилась тетя Маша.

– Но это довольно далеко, – предупредила Лиля.

– Так гуляем! – весело поддержал идею дядя Лева.

День сегодня выдался теплый, солнечный. Аня расстегнула легкую куртку, а потом и вовсе повязала ее на пояс. Улицы сменялись бульварами, шумные дороги ветвились перекрестками. И вот впереди выросли три высоченные башни.

– Наши Азриэли, – указала на них Мира.

– А что это? – спросила Аня.

– Что, что? – передразнил Мишка. – Торговый центр там внизу, вот что.

Пока Аня могла сказать лишь одно – это был самый необыкновенный комплекс из всех, что она когда-либо видела. Ввысь вонзались три сияющие башни-трубы: одна – совершенно круглая, другая – квадратная, а третья – треугольная. Стены зданий отливали ярким и сочным голубым цветом, будто хотели раствориться в чистом небе. К башням через широкую магистраль был перекинут огромный мост. Он висел высоко над городом, и, стоя на нем, Аня чувствовала себя совершенно оторванной от суетного мира.

Зато внутри комплекса все оказалось на редкость обыденным – весь первый этаж занимал огромный гипермаркет. За прозрачными стеклами разложили на полках свой товар фирменные магазины. Мелькали знакомые вывески, Аня снова почувствовала себя на своей земле. Зато взгляд дяди Левы стал скучающим, ему явно не терпелось поскорее вырваться на свободу. А в глазах тети Маши горел азарт: кажется, ей хотелось заглянуть в каждый магазинчик. Прилавки влекли ее, как ребенка шоколад. Тут – скидки, а там – новая коллекция. Периодически тетя дергала Лилю и что-то шептала ей на ухо. Лиля строила унылые гримасы, иногда отмахивалась, но затем сдавалась и понуро топала за матерью. И потом подолгу о чем-то разговаривала с продавщицами.

– Почему твоя мама все время о чем-то просит Лилю? – спросила тихонько Аня у Миры.

– Так мама плохо знает иврит, – зашептала Мира. – Вот Лильку с собой по магазинам и таскает. Мы с Мишкой отказываемся быть ее переводчиками. Вот еще! Так она никогда сама хорошо язык не выучит.

– Вы знаете иврит лучше мамы? – удивилась Аня.

– И лучше папы, – нарочито громко вставил Мишка. – Походили бы они в школу, быстро заговорили бы. А то нашли себе русских друзей и рады.

– Язык до сих пор знают на уровне детского сада, – уже хихикала Мира.

Смеясь, она рассказывала, как родители увешали весь дом стикерами: на каждую вещь приклеили бумажку, где русскими буквами написали ее название на иврите. Так продолжалось, пока дядя Лева не вышел на улицу со стикером «михнасаим» на штанах. Аня представила эту

картину и невольно заулыбалась. А потом подошла к магазину, где сейчас застряли Лиля и тетя Маша. Аня услышала, как сестра шпарит на непонятном языке, и речь ее льется свободно, легко. Горловые согласные, словно шипение ручейка в каменистом овраге. Лилия указывала продавщице на какие-то вещи, а та кивала и носилась между вешалками, подбирая нужные модели и размеры. А тетя Маша стояла рядом тихая и румяная.

– Если папа хорошо себя ведет, я по вечерам занимаюсь с ним языком, – деловито сообщил Миша. – Кто-то же должен о нем позаботиться. Без меня папаша пропадет.

Аня обернулась и увидела, как дядя Лева, загадочно улыбаясь, показывает обнаглевшему отпрыску кулак. Но Мишка ничуть не смутился.

– Такой большой, а ведет себя, как маленький, – покачал он головой.

Тогда дядя Лева не выдержал и расхохотался. Мишка долго крепился, но потом уголки его губ тоже запрыгали, и он отвернулся в сторону. Наверное, не хотел показывать, что этот разговор веселит его не меньше отца...

Аня ходила по магазину и вглядывалась в лица покупателей. Вот прошел молодой парень – высокий, худощавый. А за ним второй, коренастый, он вытирал со лба пот и тяжело дышал, видимо, куда-то опаздывая. Молодой человек с букетом ждал подругу на лавочке между двух карликовых пальм в кадучках. Кто знает, этот парень вполне мог бы оказаться ее загадочным сетевым другом. Аня даже взглянула на его уши. Но сейчас все уши казались ей одинаковыми, никаких отличий. Где-то рядом, в этом городе, находился сейчас человек, ради которого она бросила весеннюю Москву. И Аня невольно искала его в каждом незнакомце. Какой-то юноша прошел мимо, чувствительно задев ее локтем. Он развернулся, что-то пробурчал и как-то слишком пристально посмотрел на Аню.

– Что он сказал?

– Извинился, – ответила торчащая рядом и уже порядком изнывающая от скуки Мира.

– А почему так зыркнул? – недоверчиво переспросила Аня. – Будто знает меня.

– Откуда? – удивилась Мира.

И Аня подумала, что скорее всего она просто глупит. Пора было выходить из виртуальной жизни в реальную. Из торгового комплекса они выкатились, увешанные бумажными и целлофановыми пакетиками. Даже умученному долгими скитаниями по коридорам дяде Лева купили какой-то модный шарф. На улице сразу стало легче дышать, даже захотелось немного полетать, если бы не тянущие вниз сувениры и подарки, которые тетя с помощью Лили набрала всем и в достатке.

– Куда теперь? – спросил Миша. – Домой, надеюсь?

– Давайте через набережную! – предложила Мира.

– Пусть Аня хоть на море посмотрит, – поддержала сестру Лилия. – А то считайте, первый день в Тель-Авиве прошел зря.

И все согласились обратный путь проложить через набережную. Башни остались за спиной, и вдруг кто-то тронул Аню за плечо, легко, как будто непринужденно. Перед ней возник тот самый неловкий юноша, что недавно задел ее по неаккуратности. Он опять сказал что-то совершенно непонятное и протянул Ане белоснежный цветок с длинными лепестками. А потом слегка кивнул, заулыбался и был таков. Спина юноши тут же затерялась где-то среди прохожих: люди шли себе и шли по своим делам. Аня же стояла, в недоумении разглядывая цветок.

– Что это было?

– Ты ему понравилась! – ехидничала Мира. – Не успела приехать, а уже поклонники одолевают. Как тебе, Лилия, а? Ты четыре года тут живешь и ни одного цветочка!

Лилия открыла было рот, а потом махнула рукой и отошла от сестры с таким видом, будто увидела таракана. И Мира опустила голову, шутка над Лилей явно не принесла ей удовлетворения.

Когда Аня впервые увидела Средиземное море и почувствовала, как ветер стелется по набережной, чтобы проскочить в переулки, пощекотать город, ей захотелось скинуть кеды и бежать по песочному пляжу прямо к воде.

– Купаться сейчас можно только в Красном море, в Эйлате, – сказала тетя Маша. – Если получится, мы туда съездим. А у нас здесь прохладно.

Но Аня увидела несколько отчаянных купальщиков, а кто-то даже загорал, подставив живот не обжигающему, но уверенному солнцу. Казалось, этот пляж бесконечно тянется все вперед и вперед. И длинная набережная еле поспевает за ним, летит велосипедной дорожкой к горизонту. А рядом, точно страж, выстроился Тель-Авив: высокие здания гостиниц будто кланяются морю. Скамейки, открытые кафе – отсюда не хотелось уходить. Аня смотрела на волны и незаметно для себя обрывала лепестки цветка, губы ее шевелились – любит, не любит...

– На кого гадаешь? – незаметно подкралась сзади Мира.

Аня будто очнулась, взглянула на полысевший цветок.

– Это не кошерно, – Мишка грубовато вытащил из ее рук стебель и швырнул по ветру.

– Домой, домой, – кричала тетя Маша, как наседка, что созывала своих цыплят под крыло.

Все свернули в город. И лишь над песочным пляжем продолжали летать белоснежные лепестки нечаянного подарка...

Уже вечером в девичьей спальне Мира и Лиля начали атаковать Аню. Теперь сестер уже не интересовал соседский пес Кубик. Они хотели знать правду. Почему Аня была такой грустной и задумчивой весь день, что с ней случилось утром, когда она запиралась в ванной комнате. И главное – на кого она гадала, повернув лицо к ветру.

– Мишка мне все рассказал! – шпарила Мира. – Ты после вылазки в Интернет так расстроилась!

– Что он рассказал? – Аня испугалась, что не успела отключить свою аську на компьютере брата.

– Ты в почту лазила? – не унималась Мира. – И что там было за письмо?

– Парень в Москве обиделся, что ты уехала? – тихо спросила Лиля. – Поссорились?

– Нет у меня в Москве никакого парня! – выпалила Аня.

– А где есть? – тут же наскочила Мира.

Она запрыгнула на Анин диван и теперь буквально насаждала на сестру.

– Здесь, – вздохнула Аня. – Был... Кажется...

Теперь уже и Лиля не выдержала и подперла ее с другого бока, с любопытством разглядывая Анино лицо.

– Где здесь? В Израиле? – спрашивала она.

– Угу, в Тель-Авиве, – кивала Аня.

– Вот до чего людей доводит Интернет! – раздухарилась Мира. – Парней в других странах заводят...

– Да погоди ты, – осадила ее Лиля. – Дай Ане все по порядку рассказать.

И Аня поведала сестрам всю свою историю. Впервые кто-то узнал про ее отношения с Цимесом. Впервые она выворачивала душу, постепенно подходя к невеселому финалу этой загадочной и, наверное, романтической истории. Сестры слушали ее, не перебивая. Лиля все чаще вздыхала, а Мира на всякий случай залепила рот ладонью – чтобы не сказануть лишнего.

– И теперь я не знаю, что делать. – закончила свой рассказ Аня.

Она смотрела на сестер, рассчитывая найти поддержку, но они отводили глаза. Кажется, все было еще хуже, чем она думала: друг из Интернета поиграл с ней и пропал. На какое чудо еще можно было надеяться в ее ситуации?..

– А вдруг это был он? – горячо зашептала вдруг Мира.

– Где? Кто? Когда? – не поняла Аня.

– Ну, тот, с цветком, – продолжала Мира. – Представляешь, он каким-то образом выследил тебя и теперь будет появляться неожиданно. Дарить подарки! А потом признается в любви...

– Выдумщица, – кинула в сестру подушку Лиля.

– Ну и что, – фыркнула Мира. – Зато ты у нас реалистка. Да еще и пессимистка. Все видишь в черном свете. Потому у тебя с Натаном и не сложилось.

Мира прикусила язык, видимо, поздно сообразив, что уколола сестру слишком больно. Лиля слезла с Аниного дивана и без слов легла на свою кровать, с головой накрывшись одеялом.

– А кто такой этот Натан? – осторожно поинтересовалась Аня, уступая любопытству.

– Ну, они встречались, – Мира кивнула на кровать сестры. – А теперь вот не встречаются больше...

– Почему? – практически без звука, лишь губами, спросила Аня.

Но Лиля вдруг выскочила из-под одеяла, распрямилась и зашипела:

– Потомушшшш! – лицо ее было красное, наверное, под одеялом не хватало воздуха. – Ему нравятся девушки, которые служат в армии. Таскаются в тяжелых ботинках, да к тому же с оружием наперевес. Пусть с такой и встречается!

– Лиля выбрала для себя альтернативную службу, – пояснила Мира. – Папа с мамой ее поддержали. А по мне, так лучше изучать военное дело, чем шататься по больницам. Шерут леуми для неженки!

– Что? – не поняла Аня.

– Шерут леуми, – повторила за сестрой Лиля. – Альтернативная служба, которую я выбрала вместо армии. В Израиле девушки тоже служат, только нам можно не ходить в армию, а заниматься другими полезными делами на благо страны. Вот родители пытаются стать правверными иудеями, может, я тоже верующая и решила соблюдать все обряды? Может, я не хочу служить в армии по религиозным соображениям? Натан должен был уважать мой выбор, а не насмехаться над ним...

– А ты и правда – по религиозным? – спросила Аня.

– Да она просто трусиха, оружия боится! – ляпнула Мира. – А прикидывается святошей.

– Я бы, наверное, тоже испугалась, – Аня осторожно присела на уголок Лилиной кровати, – и армии, и религии – это сложная штука. А еще больше я боюсь серьезных отношений с ребятами. Может, поэтому и нашла себе в Интернете какого-то безликого иностранца...

И тут Лиля почему-то обняла Аню, уткнула свой острый нос ей прямо в шею и расплакалась как маленькая.

– Прости, прости меня, – накинулась на сестру с другой стороны Мира. – Это все я виновата, язык мне надо отрезать...

Они все плакали и плакали, но за окном пошел дождь и смыл этот день в ночную тьму.

Глава 4

Шабат, шалом!

В пятницу с самого утра дома установилась загадочная атмосфера, все будто готовились к чему-то важному, торжественному. Кухня не пустела, тетя Маша все время что-то готовила, и запахи по квартире разносились очень аппетитные.

– Вы ждете вечером гостей? – спросила Аня.

– Если только соседи зайдут, – ответила тетя.

– Кажется, вы целый полк решили накормить, – удивлялась Аня, осматривая фронт приготовлений.

– Это нам на весь завтрашний день, – сообщил дядя. – Девочки, хватит лентяйничать. Подключайтесь!

Но Аня прежде чем помогать по хозяйству, мечтала подключиться лишь к Интернету. Ничто не может заставить девчонку пятнадцати лет от роду перестать надеяться и верить – а что если Цимес по-прежнему ждет ее? И сейчас все доходчиво и ясно объяснит: например, у него внезапно сломался компьютер. Или от волнения он нажал не на ту кнопку и вышел из аськи. А потом вдруг возникли неотложные дела, и вернуться никак не получилось. Зато теперь он караулит ее у компьютера, мечтая выпросить прощение за оплошность. Комната Миши, по счастью, оказалась пуста. Аня вошла в свою аську и долго ждала, пока она загрузится. Сердце стучало куда-то в подбородок, и в тихой комнате это биение казалось оглушительным. Цветочки в аске начали зеленеть: Аня видела своих одноклассников, друзей по даче, дворовых приятелей. Все они были дружелюбно-огуречные, готовые к общению. Лишь значок Цимеса продолжал краснеть, как помидор. Зачем-то Аня вывела их переписку на экран и сама покраснела от стыда. Все последние сообщения висели от нее: вот и безответная просьба о встрече, которую хотелось стереть, выдрать из окошка. Но было поздно. Аня уже подумывала удалить невыносимый молчаливый контакт Цимеса, когда в комнату заглянул Мишка. Тогда она разом отключила аську и попыталась изобразить невинную физиономию.

– Помогать идешь? – кинул брат и снова скрылся в коридоре.

На кухне приготовления уже шли полным ходом.

– Садись резать «Оливье»! – Мира пододвинула доску и нож. – Отвлекайся, давай.

– Не появился? – шепнула Лиля.

– А ты не видишь? – Мира скопировала Анино печальное лицо.

– О чем вы там сплетничаете? – возмутилась тетя Маша. – Я ничего не слышу...

– Мы про салат, – подмигнула Лиля. – Учим Аню делать «Тапухей Адама».

– Что? – Аня по-новому взглянула на картофелину, которую только что начала с пригорбем рубить.

– «Тапухей Адама» – так евреи называют картофельный салат. По-вашему, «Оливье», – объяснила тетя. – А я сейчас курицу в духовку поставлю.

– Ну что, мои красавицы готовятся к трапезе? – в кухню снова заглянул дядя. – Сеудат шабат – дело святое!

У Ани уже голова шла кругом от всех этих непонятных слов, но было в этом что-то необыкновенное, будто ты подглядываешь в замочную скважину за чем-то большим и таинственным. Любопытству и азарту нет предела. Вот мелькнула одна часть, а вот совсем другая – и не сложить пока картинку целиком.

– Сеуда... чего? – спросила она.

– Сегодня вечером нас ждет Шабатная трапеза, – сказала тетя, разделявая курицу. – Это так чудесно, тебе обязательно понравится!

Аня вместе с сестрами продолжала резать овощи для салата, тетя Маша готовила курицу к запеканию. А дядя Лева расхаживал по кухне и, кажется, горел сильнее плиты. С пылом и жаром он рассказывал о предстоящем празднике. О том, как повезло евреям, у них торжества случаются не пару раз в год, а каждую неделю. Шабат – день отдыха: время, когда человеку стоит подумать о Создателе. Каждую субботу правоверные иудеи ровным счетом ничего не делают. Нельзя готовить, шить, писать, да и вообще отдавать себя какому-либо физическому или творческому труду. В шабат запрещено что-то менять или создавать – вот так штука! И Аня подумала, что, пожалуй, ей не позволят зайти в Интернет, да оно и к лучшему, что лишний раз нервы мотать? Всю субботу дядя предлагал думать о важном, глубоком и прекрасном, чем в будни вроде как и заняться некогда.

– Шабат начинается в пятницу вечером, – добавила Лиля, когда ее отец на миг замолчал. – И нам надо успеть все приготовить к сроку. Когда соседи придут?

– Илья обещал к зажиганию свечей быть, – сказал Мишка.

– Илья? – переспросила Аня.

– Да, к нам в этот шабат присоединятся Илюша с мамой, – тетя Маша наконец управилась с курицей. – Так, мы почти закончили. Лева, можешь приступить к приготовлению чолнта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.